

А.И. Савин

**АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920–1930-е годы:
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПОЛЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ**

Отказ от военной службы в силу моральных причин признан в XX в. большинством демократических государств одним из основополагающих прав человека. Лицам, не желающим служить в вооруженных силах по причине их политических или религиозных взглядов, предоставляется в этих государствах возможность в качестве альтернативы нести гражданскую службу¹. Альтернативная гражданская служба (АГС) оправдана исключительно в том случае, когда в стране действует всеобщая воинская повинность, и подлежит ликвидации после перевода армии на контрактную основу. Несмотря на различного рода правовые и экономические проблемы², связанные с существованием гражданской службы, демократии целенаправленно поддерживают создание и функционирование этого института гражданского общества.

Несомненное воздействие на возникновение АГС, в первую очередь в Европе, оказали ужасы мировой войны. Пионером выступила Великобритания, признавшая в 1916 г. право своих граждан на АГС, второй в 1917 г. была Дания. Наряду с Великобританией и Данией, одной из первых стран, признавших право на отказ от военной службы, стала советская Россия. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об освобождении от военной повинности по религиозным

¹ См., например: *Чаподу Т.* Служба по принуждению: всеобщая воинская обязанность и гражданская служба // Гражданин в военной форме. Правовые проблемы срочной службы в мирное время. Сб. материалов межд. конф. «Срочная воинская служба — правовая защита — гражданский контроль». Будапешт, 1999. С. 157–170.

² Так, в экономике гражданская служба, как правило, работает против создания рабочих мест и способствует снижению заработной платы в отдельных отраслях. Большинство лиц, несущих гражданскую службу, не имеет высокой профессиональной подготовки и выступает в качестве источника дешевой рабочей силы, по сути — внутренних «гастарбайтеров», что вызывает регулярные протесты профсоюзов.

убеждениям» от 4 января 1919 г. декларировал освобождение от военной службы людей, считавших для себя невозможным нести военную службу по религиозно-этическим мотивам, и замену ее АГС.

В данной статье автор не намеревается подробно освещать причины, в результате которых большевистское руководство в условиях широкомасштабной гражданской войны пошло на такой беспрецедентный шаг. Этому вопросу посвящен ряд наших специальных публикаций³. Свою главную задачу автор видит в описании и изучении генезиса нормативно-правовой базы, а также практической организации АГС в советской России в 1919–1939 гг. Осмысление данного исторического опыта необходимо для современного российского общества в интересах достижения цивилизованного компромисса между интересами государства и убеждениями личности.

Краткая предыстория вопроса: альтернативная гражданская служба в императорской России

В дореволюционной России привилегией освобождения от военной службы пользовалась только одна категория населения — члены религиозной общины меннонитов. Эта льгота была дарована им «на вечные времена» Екатериной II и Павлом I, чтобы поощрить переселение меннонитов в Россию. Как известно, меннонитские общины подвергались жестоким преследованиям прусского правительства именно за свои пацифистские убеждения. До 1874 г. меннониты вообще не призывались в Российской империи на военную службу. С 1 января 1874 г. в соответствии с «Общим уставом о воинской повинности» меннониты стали подлежать призыву на военную службу, но они освобождались от ношения оружия и отбывали гражданскую службу в мастерских морского ведомства, в пожарных

³ См., например: *Савин А.И.* Пацифисты в милитаристском государстве. К вопросу об отношении к военной службе протестантских общин Сибири в 1920-е годы. // *Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований.* Вып. 3. Новосибирск, 2002. С.146–161; Он же: Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) — ВКП(б) и евангельские церкви в 1922–1929 гг. // *Государство и личность в истории России. Материалы региональной научной конференции.* Новосибирск, 2004. С. 83–105; Он же: «Разделяй и властвуй». Религиозная политика советского государства и евангельские церкви в 1920-е годы // *Вестник Тверского государственного университета.* Серия: История. 2008. № 15 (75). С. 3–23. Коротко напомним, что с нашей точки зрения принятие декрета от 4 января 1919 г. стало возможным благодаря иллюзорным представлениям части большевистского руководства, в первую очередь В.И. Ленина и В.Д. Бонч-Бруевича, о «сектантстве» как носителе идей социального и экономического равенства и слое населения, наиболее склонном к восприятию и усвоению коммунистических идей.

командах и в особых подвижных командах лесного ведомства⁴. Это решение вызвало среди части меннонитов эмиграционное движение: в 1874–1890 гг. Россию покинули около 18 тыс. меннонитов⁵.

Тем не менее, большая часть общин предпочла пойти на компромисс и согласилась с обязанностью отбывать АГС. Молодежь призывных возрастов до революции проходила АГС преимущественно в девяти лесничествах, которые были открыты и содержались на средства меннонитских общин России. Во время мировой войны по договоренности с правительством были мобилизованы около 22 тыс. меннонитов в возрасте до 45 лет. Меньшая часть из них, около 5 тыс., служила санитарями⁶. Их «специализацией» была служба в санитарных поездах, вывозивших раненых в тыл. Большая часть призванных меннонитов занималась валкой леса, заготовкой древесины и выжигом угля в командах лесного ведомства.

В начале XX века отказ от военной службы стал также практиковаться значительным количеством приверженцев других протестантских конфессий России, прежде всего — баптистами, несмотря на то, что религиозный пацифизм не являлся составной частью кредо баптизма. К этому времени принципа антимилитаризма, помимо меннонитов, последовательно придерживались также духоборы и штундисты. Свою роль в дальнейшем распространении пацифизма в России сыграла широкая популярность учения Л.Н. Толстого. Приверженцы Толстого пользовались среди неортодоксальных верующих несомненным авторитетом. Не случайно именно лидеры толстовцев возглавили после революции Объединенный совет религиозных общин и групп (ОСРОГ) и вошли в руководство Всероссийского комитета помощи голодающим. По данным министерства внутренних дел Всероссийского Временного правительства, с начала мировой войны по 1 апреля 1917 г. 114 баптистов отказались воевать и нести воинскую повинность⁷. Можно утверждать, что под воздействием учения Толстого, атмосферы мировой войны и революции в сознании большинства баптистов, евангельских христиан и адвентистов произошли существенные подвижки, приведшие к признанию пацифизма в качестве неотъемлемого кредо веры.

Гражданская война с новой остротой поставила вопрос о возобновлении соглашения между властью и меннонитскими общинами по

⁴ Deutsche Geschichte im Osten Europas. Hsg. von Gerd Stricker. Berlin, 1997. S. 302.

⁵ Там же.

⁶ Там же, S. 60–61

⁷ Калиничева З.В. Социальная сущность баптизма. Л., 1972. С. 50.

вопросу о военной службе. Как ни парадоксально, но все основные противоборствующие во время революции и гражданской войны стороны подтвердили меннонитам их привилегию. Соответствующее заявление было сделано Военным министерством Всероссийского Временного правительства⁸. Военное министерство Временного Сибирского правительства в августе 1918 г. отдало указание МВД о призыве меннонитов только в санитарные части⁹. В этом же качестве, не беря в руки оружия, меннонитская молодежь служила в колчаковской армии. В результате можно говорить о преемственности политики антибольшевистских правительств по данному вопросу.

**Порядок освобождения
от обязательной военной
службы и круг лиц, имевших
право на гражданскую
службу в советской России**

Впервые верующие, отказывающиеся по своим религиозным убеждениям от военной службы, были упомянуты в декрете Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству». Декретом предписывалось привлекать их в процессе обучения только к тем обязанностям, которые не были связаны с употреблением оружия. 22 октября 1918 г. был отдан приказ Реввоенсовета республики № 130, который в свою очередь утверждал постановление Революционного военного совета (РВС) от 10 октября 1918 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям». Приказ разрешал заменять пацифистам военную службу санитарной¹⁰. Приказ РВС был подтвержден декретом СНК РСФСР «Об освобождении от военной повинности по религиозным убеждениям» от 4 января 1919 г., который декларировал освобождение от военной службы людей, считавших для себя невозможным нести воинскую службу по религиозно-этическим мотивам. Военная служба заменялась им, по примеру меннонитов, «санитарной службой преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепользующей работой по выбору самого призывника»¹¹.

⁸ Deutsche Geschichte im Osten Europas... S.303

⁹ ГАРФ. Ф. Р-182, оп. 1, д. 4, л. 235.

¹⁰ Декреты советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 263.

¹¹ Там же. С. 262–263. По данным лидера толстовцев В.Г. Черткова, декрет был подготовлен по инициативе Ленина, Троцкого, Бонч-Бруевича и Муралова. Самого Черткова неоднократно приглашали в Кремль для консультаций. В 1924 г. Чертков вспоминал, что «Владимир Ильич принимал в этом деле живейшее участие и ознакомился с вопросом в высшей степени внимательно и основательно». См.: ГАРФ. Ф. Р-353, оп. 8, д. 8. л. 48.

Принципиальным положением декрета стало правило, согласно которому Московский народный суд при постановлении своего решения о замене воинской повинности другой гражданской обязанностью должен был по каждому отдельному делу запрашивать экспертизу Московского «Объединенного совета религиозных общин и групп»¹². Экспертиза должна была установить, исключает ли «определенное религиозное убеждение» военную службу, а также искренность и добросовестность «отказника». В виде исключения ОСРОГ по единогласному своему решению имел право возбуждать особые ходатайства перед Президиумом ВЦИК о полном освобождении гражданина от военной службы, без всякой замены ее другой гражданской обязанностью, если могла быть специально доказана недопустимость такой замены с точки зрения не только религиозного убеждения вообще, но и сектантской литературы, а равно личной жизни соответствующего лица. На местах проведение экспертизы возлагалось на уполномоченных ОСРОГ.

Но практически сразу же после принятия декрета большевики пришли к выводу о крайней вредности и нежелательности поощрения как пацифистских идей, так и их носителей. Большевистское руководство достаточно быстро убедилось в том, что негативные следствия принятого декрета в условиях гражданской войны далеко превышают все его возможные выгоды. Крестьянство, в своей массе уставшее от многолетней войны и не желавшее участвовать в вооруженном противостоянии, восприняло декрет как возможность легализации своей позиции. Как писал позднее сотрудник агитационно-пропагандистского отдела (АПО) ЦК ВКП(б) Ф.М. Путинцев, «сектантское обособление, сектантский нейтралитет» подводили под нейтралитет середняка «религиозно-идеологическое обоснование — „не убий“ ... „все люди братья“ и прочие примиренческие лозунги... Дезертирство и вступление в секты в эпоху гражданских фронтов было наибольшим. В глазах нейтрально-обывательских слоев населения это дезертирство и сектантское „непротивленчество“ получало религиозно-идейное и даже „декретно-советское“ оправдание... Мелкобуржуазное промежуточное положение крестьянства между буржуазией и пролетариатом требовало мелкобуржуазной промежуточной религиозной идеологии»¹³. По мнению историка В.Л. Телицина, во

¹² В состав ОСРОГ входили московская группа меннонитов, московские общины евангельских христиан, евангельских христиан-баптистов, христиан-адвентистов седьмого дня, Общество истинной свободы в память Л.Н. Толстого и Трудовая община-коммуна «Трезвая жизнь».

¹³ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 60, д. 461, л. л. 2–16.

время гражданской войны в российской деревне сложилась «настоящая пацифистская оппозиция», которую чекисты оценивали исключительно как религиозную, «мировоззренчески обоснованная и принципиальная, свидетельствующая о тяге обывателя к миру, спокойной и размеренной жизни», стойко отвергавшая мобилизации, службу в армии и всеобщую¹⁴.

Обеспокоенное количеством роста «отказников», руководство страны уже в 1920 г. предприняло меры, чтобы дезавуировать декрет от 4 января 1919 г. Первым актом, ограничивающим действие декрета, стал циркуляр Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР № 694 от 5 июля 1919 г. «О применении декрета об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям»¹⁵. В преамбуле документа утверждалось, что участились случаи поступления в суд дел об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям «от лиц, принадлежащих к организациям, не только не отрицающим своего деятельного участия в империалистических войнах в прошлом и настоящим, но и принимавших в них самое деятельное участие»¹⁶. Чтобы избежать этого, НКЮ РСФСР возложил на ОСРОГ личную ответственность за достоверность сведений о персональных пацифистских убеждениях лица, ходатайствующего об освобождении. В свою очередь суд получал право в любой момент отклонить письменное заключение экспертов ОСРОГ, «усмотрев из запроса самого просителя или путем свидетельских показаний, что искренность принадлежности его к религиозной секте или исповедания antimилитаристических религиозных убеждений должным образом не подтверждены»¹⁷.

Циркуляр НКЮ РСФСР «Об уклонении от воинской повинности по так называемым „религиозным убеждениям“» от 4 августа 1920 г. еще более урезал права пацифистов в суде. В нем утверждалось, что декретом от 4 января 1919 г. широко пользуются «шкурники», а виновником такого положения назывался МОСРОГ и его эксперты. В соответствии с циркуляром суд теперь окончательно и бесповоротно становился главным действующим лицом разбирательств по делам об освобождении от военной службы, не обязанным обращать какое-либо внимание на мнение представителей религиозных конфессий: «Разного рода экспертизы, удостоверения, свидетельства, выдавае-

¹⁴ Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный». Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 гг. М., 2003. С. 133.

¹⁵ Опубликовано в «Известиях ВЦИК», № 161, 1919. 24 июля; ГАРФ. Ф. Р-130, оп. 5, д. 893, л. 87.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-130, оп. 5, д. 893, л. 87.

¹⁷ Там же.

мые иногда так называемым ОСРОГ (курсив мой. — А.С.) или иными религиозными группами, частными организациями и лицами на руки просителя [...] ни в коем случае не могут иметь никакого официального значения или силы, помимо прямого назначения служить частью судебного материала, подлежащего проверке и обсуждению суда»¹⁸. Верующие крайне отрицательно оценили этот циркуляр. По мнению председателя ОСРОГ по Тульской губернии Булыгина, циркуляр НКЮ от 4 августа 1920 г. фактически отменял действие декрета СНК и аннулировал право каждого гражданина «при оказанной искренности религиозных убеждений получить замену воинской службы другой гражданской работой»¹⁹.

Декретом СНК РСФСР от 14 декабря 1920 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» поле юрисдикции ОСРОГ было фактически сведено к нулю²⁰. В соответствии с ним ОСРОГ лишался исключительного права на экспертизу по делам «отказников», как организация, «оказывающая отрицательное воздействие на Красную армию». Тем не менее, суду разрешалось приглашать «для дачи экспертизы сведущих и внушающих доверие представителей соответствующих религиозных вероучений»²¹.

Приказ Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК) № 150 «Об усилении борьбы с контрреволюционным подпольем» от 1 декабря 1920 г. наглядно свидетельствует, что к концу 1920 г. евангельские церкви были однозначно отнесены руководством ВЧК к наиболее опасным для советской власти группировкам. Акцентируя внимание чекистов на переход роли главной контрреволюционной силы от монархистов и кадетов к эсерам и «другим соглашательским партиям», в документе утверждалось, что для осуществления своей антисоветской деятельности эсеровское подполье вступит в контакт с «легализованными общинами евангелистов и толстовцев, под флагом которых контрреволюционеры собираются действовать исподволь и осторожно». Для успешного противодействия планам контрреволюции органам ВЧК приказывалось организовать постоянный учет «всех настоящих и бывших членов евангелическо-христианских и толстовских обществ», вести за подучетным контингентом «неослабное наблюдение для выяснения их знакомств, связей и т. д.», а также «влиять в указанные партии и орга-

¹⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-353, оп. 4, д. 412, л. 9; ф.р. 130, оп. 5, д. 893, л. 87.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-130, оп. 4, д. 462, л. 48.

²⁰ См.: СУ. 1920. № 99. С. 527.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-353, оп. 8, д. 8. л. 68.

низации достаточное количество опытных, способных и вполне компетентных осведомителей, которым предписать принимать активное участие в их жизни»²².

Спустя два с половиной месяца, 15 февраля 1921 г., коллегия ВЧК, заслушав доклад сотрудника секретного отдела (СО) ВЧК И.А. Шпицберга²³, приняла развернутое решение о репрессиях в отношении ОСРОГ и проведении показательного судебного процесса над его руководством. Уголовное дело предписывалось передать на рассмотрение особой сессии Московского губернского советского нарсуда, «процессу придать характер политический». Вся документация и переписка совета изымались и приобщались к делу, причины изъятия подлежали освещению в прессе. Для дачи инструкций обвинителям и редактирования правительственных сообщений по делу чекисты рекомендовали создать комиссию в составе П.А. Красикова (8-е отделение НКЮ), А.А. Сольца (ЦК РКП(б)) и И.А. Шпицберга (ВЧК). В качестве обвинителя решено было обязать выступить Н.В. Крыленко, другого обвинителя, обязательно из рабочей среды, поручалось подыскать «тройке». Секретный отдел ВЧК должен был до начала процесса активизировать свою деятельность в отношении верующих пацифистов и «учинить постоянное агентурное наблюдение за вегетарианскими столовыми, союзом трезвенников и другими организациями, централизовавшимися вокруг ОС». Доклад в ЦК поручалось сделать Солцу²⁴.

В свою очередь Организационное бюро ЦК РКП(б) 3 марта 1921 г., заслушав доклад «О деятельности Объединенного совета РО-иГ», одобрило предложение ВЧК о возбуждении дела «против ОСРОиГ в лице тов. председателя его Шохор-Троцкого и др. за злоупотребления при выдаче удостоверений, освобождающих от военной службы»²⁵. Оргбюро также подтвердило решение коллегии ВЧК «о прида-

²² Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991. С. 373–374. Приказ подписан зам. председателя ВЧК И.К. Ксенофонтовым и управляющим делами ВЧК Г.Г. Ягодой.

²³ С января 1921 г. И.А. Шпицберг возглавлял 7-е отделение СО ВЧК, задачей которого была «работа против разных партий». В феврале 1921 г. Шпицберг просил 8-й отдел НКЮ переслать ему дела ОСРОГ «ввиду производимого мною расследования о деятельности Объединенного Совета». См. Лубянка: Органы ВЧК... 2003. С. 17; ГАРФ. Ф. Р-353, оп. 4, д. 416, л. 96.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 112, д. 132, л. 97. Попутно было также принято решение о запрещении выезда за границу В.Г. Черткову. Выписка из протокола подписана секретарем президиума ВЧК Н. Мещеряковым.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 112, д. 132, л. 5. Протокол заседания Оргбюро ЦК РКП(б) № 101, п. 34 (присутствовали Крестинский, Серебряков, Сталин, Томский и

нии широкого политического характера» судебному разбирательству. 11 марта 1921 г. всем губчека было направлен циркуляр ВЧК за подписью Ф.Э. Дзержинского о выемке документов МОСРОГ. Как отмечалось в тексте, «циркуляр имеет целью борьбу с обществами, под флагом религии открыто ведущими агитацию, способствующую разложению Красной армии, против исполнения продовольственных разверсток и трудовых повинностей»²⁶. При проведении циркуляра в жизнь рекомендовалось «строго воздерживаться от каких-либо мероприятий, могущих возбудить нарекания на агентов нашей власти в смысле разрушаемости хозяйственной деятельности и стеснений чисто культурной свободы»²⁷. Во исполнение решения Оргбюро ЦК РКП(б) суд над деятелями ОСРОГ был оперативно организован и проведен в марте 1921 г.²⁸

Постепенное завершение гражданской войны и перемещение вооруженного противостояния на периферию привело к появлению декрета ВЦИК от 16 сентября 1921 г. «О пересмотре дел о лицах, осужденных за уклонение от воинской повинности по религиозным учреждениям». В соответствии с декретом народные суды были обязаны пересмотреть в порядке, установленном декретом СНК от 21 марта 1921 г. о досрочном освобождении заключенных, все без исключения дела лиц, осужденных судебными органами, комиссиями по борьбе с дезертирством и чрезвычайными комиссиями за уклонение от воинской повинности и дезертирство по религиозным мотивам. Особые сессии при губернских советах народных судей должны были проверить дела отбывающих наказание и при доказанности искренности их убеждений или вовсе освободить их от военной службы, если годы их призыва уже были демобилизованы, или заменить лишение свободы работами, в том числе сельскохозяйственными или по специальности, если сверстники «уклонистов» еще состояли на службе в Красной армии²⁹.

др.)

²⁶ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК — ОГПУ. 1917–1926. / Сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М., 2007. С. 266–267.

²⁷ Там же.

²⁸ Павлова Т.А. Исторические судьбы российского пацифизма С. 34. В 1924 г. Чертков писал о «походе» НКЮ и ГПУ против ОСРОГ, закончившимся «разгромом его помещения, архива и имущества и официальным отрицанием самой организации со стороны названных учреждений». (См.: ГАРФ. Ф. 353, оп. 8, д. 8, л. 72).

²⁹ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 103.

Не пойдя на прямую отмену декрета, органы коммунистической партии и советского государства, в первую очередь антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) — ВКП(б) и ВЧК — ГПУ — ОГПУ, предприняли в 1920-е годы ряд мер для того, чтобы евангельские церкви «добровольно» признали военную службу с оружием в руках обязательной для своих последователей. Эта же проблема была искусно использована в качестве «яблока раздора» для раскола и разложения евангельского движения. Уже первое решение комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК РКП(б) по вопросу об АГС продемонстрировало, что она будет решительно выступать за дальнейшее сужение круга лиц, имевших законное право претендовать на освобождение от службы по религиозным убеждениям. 28 ноября 1922 г. комиссия пришла к заключению, что «привилегией по воинской повинности могут пользоваться лишь те секты, которые пользовались ею до революции», и поручила НКЮ РСФСР разработать положение о запрещении религиозной пропаганды в Красной армии. На этом же заседании было принято решение, «пользуясь сокращением Красной армии и ее вспомогательного персонала, уволить из армии сектантов, не желающих принимать присяги о защите республики с оружием в руках»³⁰.

В очередной раз вопрос о «злоупотреблении сектантами декретом об освобождении от военной службы» детально разбирался комиссией 26 июня 1923 г., в результате чего был принято решение осуществить ряд мер по трем направлениям: агитационно-пропагандистскому, юридическому и оперативному. Н.Н. Попову было поручено использовать в печати «все материалы, компрометирующие сектантов с точки зрения их милитаризма». Другой член комиссии, П.Г. Смидович, должен был добиться на ближайшей сессии ВЦИК решения об изменении декрета об освобождении сектантов от военной службы «на тот предмет, чтобы сектанты не могли злоупотреблять этим декретом, как это было до сих пор». Государственному политическому управлению было указано усилить деятельность «по разложению сектантства»³¹.

5 ноября 1923 г. НКЮ РСФСР издал циркуляр № 237 «О порядке разбора дел об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям» за подписями народного комиссара юстиции Д.И. Курского и председателя Верховного суда РСФСР П.И. Стучки, существенно ограничивавший сферу действия декрета от 4 января 1919 г.³².

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 112, д. 443 а, л. 17.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 112, д. 565а, л. 14.

³² ГАРФ. Ф. Р-353, оп. 8, д. 8. л. 70.

Согласно циркуляру, право на освобождение от военной службы имели члены только тех конфессий, в чьем вероучении отказ от службы был официально признан в качестве обязательного догмата еще при царизме. Таковыми циркуляр признавал духоборов, меннонитов, молокан и так называемых «нетовцев»³³. Члены других евангельских церквей могли быть освобождены только «при непрременном условии, что сам заявитель и его семья пострадали при царизме за отказ от военной службы»³⁴. Помимо этого, на суде «отказник» должен был продемонстрировать знание вероучения и истории конфессии, доказать, что он является активным членом общины, теологически обосновать свои пацифистские убеждения. Таким образом, молодые верующие пацифисты, которые при царизме не достигли призывного возраста, фактически не могли надеяться на положительное решение суда. Ситуация усугублялась в тех случаях, когда родители не разделяли их религиозные убеждения. Характеризуя значение циркуляра, лидер толстовцев В.Г. Чертков вполне обоснованно писал о введении «династического» начала и создании «целого ряда самых сложных бюрократических формальностей»³⁵. Евангельские христиане-трезвенники в своем обращении в ЦК РКП(б) от 15 мая 1924 г., характеризовали ситуацию более эмоционально: «Совесь отказывающихся от военной службы по религиозным убеждениям попирается со стороны судебной власти и искреннейшие и честнейшие из русских граждан не находят лучшего для себя места, как за тюремными решетками или в ссылке»³⁶.

Начиная с ноября 1923 г., закон об альтернативной службе фактически перестал применяться в отношении баптистов, адвентистов и евангельских христиан, а освобождения от службы по постановлениям судов были чрезвычайно редки. Как признал в 1924 г. В.Д. Бонч-

³³ Нетовцы — одно из течений в старообрядчестве среди беспоповцев. Возникло в конце XVII в. в Нижегородской губернии в Керженских скитах. Сторонники Спасовского толка утверждали, что «нет в мире ни священства, ни таинств, ни благодати» (отсюда другое название — нетовцы). Распалось на ряд согласий.

³⁴ В отношении толстовцев авторы циркуляра пришли к заключению, что «толстовское жизнепонимание» не является религиозным учением, что автоматически исключало толстовцев из сферы действия декрета 4 января 1919 г.

³⁵ 9 июня 1924 г. В.Г. Чертков подал властям «Записку о необходимости отмены циркуляра НКЮ от 5-го ноября 1923 г. № 237 „О порядке разбора дел об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям“». (См.: ГАРФ. Ф. Р-353, оп. 8, д. 8, л. 46–78).

³⁶ Там же, л. 28.

Бруевич, «на основе этого декрета получили освобождение от военной службы всего 657 человек за 5 лет»³⁷.

По всей вероятности, именно трудности, связанные с получением права на освобождение от призыва, и мизерное количество «льготников» привели к тому, что в ходе проведения военной реформы и принятия 18 сентября 1925 г. закона об обязательной военной службе положение о предоставлении освобождения от воинской обязанности по религиозным убеждениям было вновь включено в закон³⁸. Для разработки соответствующего законоположения была создана комиссия с участием В.В. Куйбышева, П.А. Красикова и М.В. Фрунзе. 17 июня 1925 г. под председательством В.В. Куйбышева было проведено совещание, на котором был выработан проект документа, доложенный П.А. Красиковым на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 25 июня 1925 г. и в свою очередь окончательно утвержденный с поправками Политбюро ЦК РКП(б) 2 июля 1925 г.³⁹

В соответствии с законом льгота предоставлялась по решению суда верующим тех конфессий, в чьем вероучении отказ от воинской службы был зафиксирован до 1917 г. С суда снималась обязанность организации экспертизы искренности религиозных убеждений «отказника», вопрос ее проведения относился полностью на усмотрение судей. Также было признано нецелесообразным включение в закон положения о том, что в исключительных случаях суд мог полностью освободить «отказника» от всех государственных повинностей Освобожденные от службы «религиозники» обязывались принимать участие в «общепользных работах», в том числе в борьбе с эпидемиями, эпизоотиями, лесными пожарами, выполнять земляные работы. Организация работ возлагалась на НКВД союзных республик и их местные органы. В военное время пацифисты должны были направляться в особые команды по обслуживанию тыла и фронта⁴⁰.

³⁷ Эткинд А.М. Хлыст. Секты, литература и революция... С. 653. Даже если В.Д. Бонч-Бруевич сознательно занижил цифру освобожденных «религиозников», реальное количество освобожденных от военной службы с оружием в руках не могло быть большим.

³⁸ См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 62. Возможно, этому способствовали также еще не исчерпанные до конца перспективы «военного вопроса» в отношении раскола евангельских церквей.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 509, л. 3.

⁴⁰ Там же, л. 16–17; Кривова Н.А. Власть и церковь в 1922–1925 гг. М., 1997. С. 230.

Одновременно в Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. были внесены положения, предусматривающие уголовную ответственность за уклонение от призыва на военную службу «под предлогом религиозных убеждений». В соответствии со ст. 68 УК это преступление каралось лишением свободы на срок до пяти лет с направлением по отбытии наказания в части войск для прохождения положенного срока службы⁴¹.

Фактическое вето на право освобождения от воинской службы с оружием в руках было наложено секретным постановлением ЦК ВКП (б) «О сектантстве» от 7 апреля 1927 года. В соответствии с пунктом 4е постановления президиумам центральных исполнительных комитетов союзных республик предлагалось в месячный срок выработать для подчиненных им органов указания «о регистрации только тех вновь возникающих сектантских групп или общин, как старых, так и новых сект, в уставе которых указано положительное отношение к выполнению всех государственных повинностей, и в частности, военной службы, или представивших специальное постановление по этим вопросам, и, наоборот, о запрещении регистрации под видом сектантских организаций всех вновь возникающих групп и общин, не признающих налогов, воинской повинности и вообще каких-либо обязательных государственных повинностей»⁴².

В условиях разворачивавшейся в стране «сталинской революции» власти пришли к решению о необходимости эксплуатации «религиозников» в качестве источника дешевого принудительного труда. В соответствии с приказом № 108 наркома внутренних дел В.Н. Толмачева от 31 мая 1929 г. «Об использовании труда граждан, освобожденных от воинской службы по религиозным убеждениям», проживавшие на территории РСФСР верующие, освобожденные от призыва в 1924–1928 гг., мобилизовывались на срок с 10 июля 1929 г. по 15 октября 1929 г. для работы на лесных промыслах государственного треста «Лесохим»⁴³. Для работы в пределах Сибирского края привлекались граждане, проживающие в Сибирском крае, Петропавловском, Павлодарском, Семипалатинском округах Казахской АССР⁴⁴. Помимо создания контингента дешевой и бесправной рабочей силы для

⁴¹ В июньской 1927 г. редакции УК РСФСР срок наказания по этой статье был сокращен до трех лет.

⁴² ГАНО. Ф.П-6, оп. 4, д. 40, л. 82об.

⁴³ Текст приказа см.: Советское государство и евангельские церкви в Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы / Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2004. С. 247–249.

⁴⁴ Аналогичное распоряжение было также отдано НКВД УССР.

терпентинного промысла⁴⁵ власти преследовали еще одну цель. Избежать тяжелой подневольной работы верующие могли только путем отречения от пацифистских убеждений. Заявившие об этом в письменной форме в соответствующий административный отдел «привлечению к работам» не подлежали. Тем, кто не принимал ни одного из возможных вариантов, привычно грозили уголовным наказанием и принудительной отправкой на место работы.

12 марта 1930 г. был отдан приказ НКВД № 180, согласно которому граждане, призывавшиеся в армию в 1925–1929 гг., но освобожденные от военной службы по религиозным убеждениям, вновь привлекались для работы на лесных разработках государственного треста «Лесохим» в пределах Сибирского производственного района с 20 апреля по 20 октября 1930 г. Этот приказ НКВД представлял собой ужесточенный вариант приказа годичной давности. В 1930 г. «отказники» мобилизовывались уже не на три месяца, а на полгода. «Сектанты», отказавшиеся от своих убеждений, подлежали теперь передаче в армию только после отбытия работ. От мобилизации освобождались лица, привлекавшиеся к работам в течение двух лет⁴⁶.

Актуализация вопроса о призыве «религиозников» привела к внесению дополнений в законодательство, в том числе в уголовное. В соответствии с постановлением ВЦИК «О введении в действие Закона об обязательной военной службе в новой редакции» от 13 августа 1930 г., уклонение от военной службы при отягчающих обстоятельствах, в том числе под предлогом религиозных убеждений, вновь каралось пятью годами лишения свободы. Статья 19 УК (раздел «Положения о преступлениях государственных») была изложена в следующей редакции: «Уклонение лиц, освобожденных от обязательной военной службы по религиозным убеждениям, и лиц, зачисленных в тыловое ополчение, от призыва в команды по обслуживанию тыла и фронта —

⁴⁵ Терпентинное производство подразумевает выгонку смолки сосновых пород деревьев, так называемой «живицы», которая служит ценным сырьем для химической промышленности, для получения канифоли и скипидара, которые находят широкое применение в мыловаренной, бумажной, лакокрасочной и военной промышленности. Специфика производства не позволяла использовать заключенных — один рабочий обслуживал в конце 1920-х годов лесной массив площадью около 10 га.

⁴⁶ Текст приказа см.: Колхозная правда. 1930. № 87. 9 апреля. См. также: Крайский С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 — конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. С. 23.

влечет за собой лишение свободы на срок не ниже одного года»⁴⁷. Постановлением ВЦИК и СНК от 10 января 1931 г. о дополнении ряда статей УК наказание за «уклонение лиц, освобожденных от военной службы по религиозным убеждениям, и лиц, зачисленных в тыловое ополчение, от выполнения назначенных общепользованных работ», еще более ужесточалось. Теперь оно каралось лишением свободы на срок до двух лет или принудительными работами на срок до одного года или штрафом до одной тысячи рублей.

В 1932 г. был установлен порядок призыва «религиозников» на службу в особые трудовые части Народного комиссариата труда (НКТ) СССР. Постановлением СНК СССР № 336 от 15 марта 1932 г. за подписью заместителя председателя СНК Я.Э. Рудзутака на НКТ СССР возлагалось «привлечение граждан, освобожденных от военной службы по религиозным убеждениям, к работам, заменяющим эту службу». Этим же постановлением комиссариату поручалось по согласованию с Народным комиссариатом по военным и морским делам и другими заинтересованными ведомствами издать в соответствии с правилами, регулирующими использование труда тылоополченцев, инструкцию в отношении «религиозников», «с тем, однако, чтобы эти граждане зачислялись в отдельные трудовые части, отдельно от тылоополченцев»⁴⁸. Здесь налицо была боязнь того, что верующие смогут отрицательно повлиять на и без того неблагонадежный контингент тылоополченцев.

10 апреля 1932 г. Центральное военизированное управление тылового ополчения НКТ СССР разослало на согласование заинтересованным ведомствам проект инструкции «О порядке призыва и прохождения службы в особых трудовых частях гражданами, освобожденными от военной службы по религиозным убеждениям» с просьбой предоставить отзывы на проект не позднее 15 апреля 1932 г.⁴⁹.

⁴⁷ Сборник документов по истории уголовного законодательства. С. 324.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5263, оп. 1, д. 19, л. 216

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р-5263, оп. 1, д. 19, л. 215. Инструкция была послана начальнику главного управления РККА Б.М. Фельдману, председателю комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК П.Г. Смидовичу, начальнику главной инспекции по милиции ОГПУ СССР Н.М. Быстрых, в Центральный совет Союза воинствующих безбожников и Всесоюзный совет социального страхования. В качестве образца для нее послужила инструкция НКТ СССР «О порядке призыва и прохождения службы в частях тылового ополчения» от 7 февраля 1932 г., изданная в порядке выполнения постановления ЦИК и СНК СССР № 24/952 от 7 декабря 1931 г. (См.: ГАРФ. Ф. 5263, оп. 1, д. 19, л. 222–231). Само постановление «Об использовании труда граждан, состоящих в тыловом

В соответствии с этой инструкцией «отказников» в мирное время призывали, одновременно с призывом их сверстников в армию, в особые трудовые части НКТ СССР, исполняющие работу «оборонно-стратегического назначения по линии НКПС, Центрального управления дорожно-транспортного строительства и промышленности СССР». План их использования подлежал согласованию с Наркомвоенмором. Отказавшиеся от своих пацифистских убеждений могли быть перечислены в Красную армию только в результате особого ходатайства командного состава трудовых частей. В отличие от тылоополченцев «религиозники» служили два, а не три года и могли рассчитывать получать в качестве платы 20% от заработанной суммы в отличие 10%, установленных для тылоополченцев. Предусматривала инструкция и специальную политико-воспитательную работу среди трудоополченцев, которая возлагалась на ЦС СВБ⁵⁰.

За исключением этих специфических моментов юридический статус «религиозников» практически ничем не отличался от тылоополченцев. Особые трудовые части, как и части тылового ополчения, находились в компетенции Центрального управления тылового ополчения НКТ СССР. В соответствии с пунктом 19-м инструкции, управление, формирование, устройство, снабжение всеми видами довольствия и политико-воспитательная работа среди переменного состава особых трудовых частей осуществлялись управлениями тылового ополчения тех ведомств, которым были переданы означенные части.

Началу призыва «религиозников» в особые трудовые части предшествовал призыв тылоополченцев. По утверждению начальника IX-го управления штаба РККА Я.И. Алксниса, до 1931 г. никто из тылоополченцев к таким работам не привлекался, «потому что в этом не было надобности». Только после того, как на НКПС постановлением СНК от 2 июня 1931 г. была возложена постройка ряда новых железных дорог и руководство комиссариата обратилось в штаб РККА с просьбой об оказании помощи рабочей силой, было принято решение использовать для этой цели тылоополченцев⁵¹.

Осенью 1933 г. последовала новая реорганизация. Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР «О тыловом ополчении» от 27 сентября 1933 г., части тылоополчения перешли из подчинения упраздненного НКТ СССР в подчинение Народного комиссариата по военным и морским делам. По-видимому, именно тогда, в ходе перехода в ведение во-

ополчении» от 7 декабря 1931 г. см. ГАРФ. Ф. 5263, оп. 1, д. 19, л. 241–243.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-5263, оп. 1, д. 19, л. 217–221.

⁵¹ ГАРФ. Ф. Р-5263, оп. 1, д. 19, л. 246.

енного ведомства, были ликвидированы особые трудовые части, а «религиозники», наряду с «лишенцами», стали одним из основных источников пополнения рядов тылоополченцев. При формировании частей рекомендовалось сводить верующих по возможности в отдельные единицы — как правило, во взвод — с тем, чтобы они не оказывали воздействия на остальную массу тылоополченцев. В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 февраля 1934 г. о внесении изменений в ст. 4 Положения о воинских преступлениях, в определение воинского преступления теперь также были включены противоправные деяния, совершенные лицами начальствующего и рядового состава частей тылового ополчения и трудовых частей из лиц, освобожденных от военной службы по религиозным убеждениям.

Доля «религиозников» среди тылоополченцев вплоть до ликвидации частей тылового ополчения в феврале 1937 г. была невысокой: в 1932–1935 гг. она не превышала 4% от общего количества тылоополченцев. Если признать эту цифру репрезентативной, то можно предположить, что в целом по стране в частях тылового ополчения отбывали повинность ежегодно не более полутора тысяч верующих⁵². Вопрос о более точной численности верующих, несших АГС, равно как и вопросы о том, проходили ли в 1930-е годы в частях тылового ополчения службу только «религиозники», освобожденные от военной службы во второй половине 1920-х годов, и соответственно, практиковалось ли в 1930-е годы освобождение от военной службы по религиозным убеждениям, остается открытым.

После принятия в декабре 1936 г. новой Конституции СССР, в которой снималось такое ограничение, как лишение избирательных прав, части тылового ополчения были переформированы, согласно приказа наркома обороны от 20 февраля 1937 г. в строительные части РККА⁵³. В законе СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской

⁵² Общая численность тылоополченцев составляла в феврале 1933 г. около 42 тыс. человек, в январе 1934 г. — 47,3 тыс., 1935 г. — 42,2 тыс., 1936 г. — 43 тыс., 1937 г. — 24,5 тыс. чел. Такое резкое снижение численности тылоополченцев после 1936 г. было обусловлено существенным сокращением общей численности «лишенцев» и «религиозников» в стране. Так, если в 1934 г. в части тылоополчения было призвано 18,5 тыс. чел., в 1935 г. — 15,4 тыс., то призыв 1936 г. должен был дать до 6 тыс. чел., а в действительности он оказался существенно меньшим. См. Красильников С.А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917—конец 1930-х годов). С. 26–27.

⁵³ Там же. С. 26. Согласно статье 137 Конституции СССР, «защита отечества» определялась «как священный долг каждого гражданина».

повинности» льготы для «религиозников» окончательно исчезли, вопрос об альтернативной гражданской службе на долгие десятилетия был предан забвению. Не забывали о пацифизме евангельских верующих только чекисты: формулировки типа «призывал молодежь против службы в Красной армии», «давал прямые установки идущим в Красную армию баптистам на предательство при защите СССР при нападении капиталистических стран» относились к основному арсеналу обвинений, выдвигавшихся против активистов общин в период «Большого террора» и в предвоенные годы.

Формы прохождения АГС: теория и практика

Формы прохождения альтернативной гражданской службы регулировались декретом СНК РСФСР от 4 января 1919 г. В соответствии с ним военная служба заменялась пацифистам «санитарной службой преимущественно в заразных госпиталях или иной соответствующей общепольной работой по выбору самого призывника»⁵⁴. Постановление Президиума ВЦИК от 16 сентября 1921 г. «О пересмотре дел лиц, осужденных по религиозным мотивам» расширяло сферу применения труда пацифистов, допуская их использование на сельскохозяйственных работах и работах по специальности⁵⁵.

Вопрос о том, какое количество пацифистов отбывало во время гражданской войны альтернативную гражданскую службу и в каком объеме, остается до сих пор неисследованным. Можно только предположить, что в это время не сложилось единой практики использования труда «религиозников», оно было спорадическим и зависело от инициативы местных властей⁵⁶.

Экономические реалии нэпа привели к тому, что государство, не имея средств для организации труда «религиозников», было вынуждено отказаться от привлечения пацифистов к общественно-

⁵⁴ Декреты советской власти. М., 1968, Т. 4. С. 262–263.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р-353, оп. 5, д. 238, л. 187.

⁵⁶ К примеру, в соответствии с постановлением Сибревкома от 20 апреля 1920 г., освобожденные от военной службы меннониты подлежали направлению судом в местные комиссии по трудовой повинности для привлечения к работам, не имеющим связи с военными действиями. Весной 1921 г. в отношении меннонитов Народный комиссариат земледелия РСФСР попытался провести через СНК РСФСР законодательный акт, который обязывал бы всех меннонитов призывных возрастов проходить альтернативную гражданскую службу на сельскохозяйственных работах. См.: Советское государство и евангельские церкви в Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы / Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2004. С. 84–85. ГАРФ. Ф. 130, оп. 4, д. 462, л. 79.

полезным работам. Рапорт бюро жалоб Рабоче-крестьянской инспекции Ленинградскому губисполкому о ненормальном положении, создавшемся в связи с направлением на работу по приговору суда граждан, освобожденных от военной службы по религиозным убеждениям от 18 февраля 1924 г., содержит описание типичной для этого времени ситуации: «Различные учреждения, куда направляются таковые граждане для несения особо тяжелых физических работ (например, работа в качестве низшего персонала в заразных и психиатрических учреждениях губздравотдела), отказываются выдавать им какое бы то ни было содержание, ссылаясь на твердые штаты и отсутствие соответствующих кредитов. В результате для направляемых на работу создается полная невозможность существования, что при наличии соответствующего закона представляется совершенно недопустимым»⁵⁷.

В соответствии с законом «Об обязательной военной службе» от 18 сентября 1925 г., если в мирное время пацифисты не привлекались на работы, то они облагались местными исполнительными комитетами особым налогом в пользу военных инвалидов⁵⁸. В результате для основной массы «религиозников», добившейся освобождения от военной службы, уплата специального военного налога выступала до конца 1920-х годов в качестве эрзаца альтернативной гражданской службы. Симптоматичным был также предпринятый в 1925 г. отказ от призыва граждан, лишенных избирательных прав, в тыловое ополчение.

Сложившийся порядок не удовлетворял ни партийцев, ни военных, усматривавших в нем поощрение пацифистских убеждений. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) 24 декабря 1926 г. с участием большого количества приглашенных обсудила вопрос о военной службе «сектантов». Доклад был сделан П.Г. Смидовичем и представителем РВС В.Н. Левичевым. В принятом комиссией постановлении речь шла о необходимости, в развитие закона от 18 сентября 1925 г., обязать верующих, освобожденных от службы, исполнять особую повинность сроком не менее, чем срок военной службы, а также обложить их особым налогом⁵⁹.

Достаточно быстро нашелся и заинтересованный работодатель. Государственный трест «Лесохим», на который правительством была возложена задача организации терпентинного производства, столкнулся в это время с резкой нехваткой рабочих рук. Нежелание рабочих

⁵⁷ ГАРФ. Ф. Р-353, оп. 4, д. 413, л. 244.

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 3, д. 509, лл. 16–17.

⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17, оп. 111, д. 353, л. 25.

вербоваться на терпентинные промыслы было в первую очередь обусловлено спецификой данного производства и тяжелыми условиями труда. В 1927 г. у руководства «Лесохима» возникла идея использовать «религиозников», поддержанная НКВД. К этому времени на Украине уже был сформирован первый трудовой батальон из «сектантов», участвовавших летом 1927 г. в постройке железной дороги⁶⁰.

Первая проба использования верующих пацифистов на терпентинных промыслах последовала в 1928 г., когда согласно специальному постановлению НКВД для работ на промыслах были мобилизованы 100 человек на территории РСФСР и 500 человек — на Украине. Фактически на первый призыв явились 540 «религиозников», которые были отправлены на работы в Костромскую, Нижегородскую губернии и на Урал. Нормы выработки были слишком высоки для людей, незнакомых со спецификой производства, а условия труда достаточно тяжелыми. Если верить известному деятелю Союза воинствующих безбожников (СВБ) Ф.М. Путинцеву, «религиозники» называли промыслы «египетским рабством» и считали, что их «загнали в мокрые леса всех переморить». Но проведение ряда репрессивных мер сделало свое дело, и к концу первого рабочего сезона «религиозники» выгнали 565,5 тонн «живицы»: эксперимент удался⁶¹.

Следующие два года использование труда «религиозников» относилось к компетенции НКВД, который получил право производить их призыв, комплектование частей и определять подлежащие исполнению хозяйственные задачи. Основываясь на распоряжении НКВД, Омский окружной исполнительный комитет опубликовал в середине августа 1929 г. постановление, в соответствии с которым проживавшие на территории округа «религиозники», освобожденные от военной службы, подлежали использованию на сельскохозяйственных работах в совхозах, начиная с 20 августа 1929 г. На работу направлялись все освобожденные от службы за последние пять лет⁶². В соответствии с этим постановлением на лесозаготовки, организованные Омским исправительным трудовым домом на терри-

⁶⁰ В 1928 г. трудовой батальон на Украине был организован снова, верующие работали на постройке моста. 15 февраля 1928 г. вопрос о «сектантском» батальоне был заслушан антирелигиозной комиссией при ЦК ВКП(б). Секретарю комиссии и одновременно начальнику 6-го отделения СО ОГПУ Е.А. Тучкову было поручено срочно затребовать сведения о батальоне и представить предложения о проведении в нем политработы. (См.: РГАСПИ. Ф. 17, оп. 113, д. 871, л. 5).

⁶¹ Сектанты в трудностях. Сб. очерков. М., 1930. С. 72–77.

⁶² Рабочий путь, 1929, №186, 17 августа.

тории Пологрудовской дачи Тарского лесничества, в конце декабря 1929 г. было привлечено около 200 верующих, в своем подавляющем большинстве меннониты — жители Исилькульского, Любинского и Полтавского районов Омского округа.

О том, в каких условиях «трудармейцы» отбывали повинность, наглядно свидетельствует дело «о срыве лесозаготовок религиозниками (принудчиками)», заведенное в январе 1930 г. Омским окружным отделом ОГПУ. Для того, чтобы заставить верующих выполнять высокую ежедневную норму выработки — 20 кубометров древесины в день из расчета на бригаду в составе пяти человек, в условиях, когда «трудармейцы» не были снабжены обувью и одеждой и весьма скудно питались, чекистами было сфабриковано дело о «нелегальном» религиозном собрании. Как таковое было классифицировано празднование меннонитами 25–26 декабря 1929 г. Рождества, а высказывания верующих о том, что «мы здесь служим не вечно, настанет время, когда мы снова будем дома и там встречать будем праздник по-старому», были расценены как агитация, направленная на срыв лесозаготовок⁶³. В результате «саботажа», по подсчетам чекистов, с 27 декабря 1929 г. по 7 января 1930 г. меннонитами было недозаготовлено около тысячи кубометров древесины, что послужило поводом для ареста шести человек⁶⁴.

Ликвидация НКВД в конце 1930 г.⁶⁵ и последовавший за ней неизбежный организационный сумбур стали причиной паузы в использовании труда граждан, освобожденных от военной службы по религиозным убеждениям. НКТ СССР, к чьей компетенции теперь относились вопросы использования «религиозников», не стал весной 1931 г. производить их мобилизацию, объясняя свои действия отсутствием соответствующего постановления правительства о передаче данного контингента в его ведение⁶⁶.

Оставшееся без обученных работников руководство химической промышленности забило тревогу. 24 апреля 1931 г. «Мослеспром» обратился в НКТ СССР с настоятельной просьбой срочно мобилизо-

⁶³ ГАНО. Ф. 1027, оп. 1, д. 2002, л. 1.

⁶⁴ Текст обвинительного заключения в отношении трудармейцев см.: Советское государство и евангельские церкви в Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы / Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2004. С. 272–273.

⁶⁵ Постановления ЦИК и СНК СССР о ликвидации комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик и передаче органам ОГПУ руководства деятельностью милиции и уголовного розыска были приняты 15 декабря 1930 г.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-5263, оп. 1, д. 19, л. 234.

вать и передать в его распоряжение всех освобожденных от службы «религиозников» 1904–1908 гг. рождения, проживающих на территории РСФСР и УССР. Мотивировалось ходатайство тем, что без использования «религиозников» как «опытной, квалифицированной рабочей силы, имеющей 3-х летний стаж вздымщиков», невозможно выполнить стратегическую задачу, поставленную перед химиками ЦК ВКП(б) и правительством — максимально развить терпентинное производство с тем, чтобы уже в 1931 г. отказаться от импорта канифоли в СССР. Ходатайство химиков поддерживал также Центральный совет (ЦС) СВБ, который усматривал в концентрации сектантов в отдельных бараках-казармах идеальные условия для проведения среди верующих антирелигиозной пропаганды⁶⁷. По утверждению воинствующих безбожников, в результате работы специальных политруков из состава ЦС СВБ, от своих религиозных убеждений в течение 1928–1930 гг. ежегодно отказывалось примерно 10% состава «сектантских» трудовых частей⁶⁸.

Архивные материалы дают возможность утверждать, что еще до принятия нормативных документов о формировании особых трудовых частей НКТ СССР «религиозники» на местах уже призывались в конце 1931 г. для отбытия повинности в составе частей тылового ополчения. Так, в декабре 1931 г. во 2-й полк тылового ополчения,

⁶⁷ 16 мая 1931 г. предложение ЦС СВБ «Об использовании на работах лиц, освобожденных от военной службы по религиозным убеждениям» было заслушано на заседании постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культа. Решение было следующим: «Ввиду разработки этого вопроса в комиссии при СНК СССР просить указанную комиссию ускорить разработку и выслать в культурную комиссию проект разрабатываемого положения». (См.: ГАРФ. Ф. Р-5263, оп. 1, д. 14, л. 145).

⁶⁸ ГАРФ. Ф. Р-5263, оп. 1, д. 19, л. 233. По данным Ф.М. Путинцева, по прошествии двух сезонов работы имелось около 300 заявлений от трудообязанных сектантов о переводе их в кадровые части РККА. (См.: Сектанты в трудностях. М., 1930. С. 6).

⁶⁹ Доля «религиозников» составляла в 1932 г. в Прокопьевском полку тылового ополчения 2,5%, в Анжерском полку — 3,5%. (См.: Красильников С.А. На изломах социальной структуры... С. 28).

⁷⁰ Текст обвинительного заключения в отношении Эзау и Винса см.: Советское государство и евангельские церкви в Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. / Сост. А.И. Савин. Новосибирск, 2004. С. 290.

⁷¹ ГАНУ. Ф. 1027, оп. оп. 1, д. 2841, л. 49.

⁷² Там же. Документами, характеризующими специфику несения пацифистами альтернативной гражданской службы в частях тылоополчения в 1933–1937 гг., автор не располагает.

базирувавшийся в г. Ленинск-Кузнецкий и использовавшийся на работе в угольных шахтах, были призваны И.Н. Эзау и А.Я. Винс. Эти меннониты, жители Ново-Омского и Омского районов, были освобождены от военной службы в 1927 г., но в отличие от тылоополченцев не были лишены избирательных прав. Очевидно, что вместе с И.Н. Эзау и А.Я. Винсом повинность в частях тылового ополчения Сибири отбывали и другие «религиозники»⁶⁹.

Прослужив в полку до апреля 1932 г., меннониты дезертировали, но вскоре были пойманы и осуждены⁷⁰. Причиной дезертирства были тяжелые условия труда на шахте. Как следует из письма старшего судьи Ленинского промышленного района Григорьева руководству краевого суда, «за последнее время в Ленинском полку тылоополченцев есть система отказов кулаков от выполнения работ»⁷¹. Отказываясь от работы, тылоополченцы вполне сознательно шли на осуждение и получение срока, заявляя: «В этой тюрьме (имеется в виду полк тылового ополчения. — А.С.) сидеть три года, а статья гласит всего два года, да и там вольготней». Количество отказов от работы достигало таких размеров, что командование полка вынуждено было широко использовать в качестве наказания заключение в штрафные карцеры, ибо, как с сожалением отмечал Григорьев, «всех судить не будешь»⁷².

В итоге 1920-е — первую половину 1930-х годов можно рассматривать как процесс постепенного ограничения советским государством права пацифистски настроенных верующих на освобождение от воинской обязанности и замену ее гражданской службой. Как для пацифистов, так и для тех граждан, которых власти не призывали в армию по идеологическим соображениям, принудительный военизированный труд, организованный по лагерным меркам, стал на непродолжительное время единственной возможной альтернативой военной службе с оружием в руках. Но даже в таком виде существование института альтернативной гражданской службы не отвечало интересам власти, что привело к его фактической ликвидации в преддверии Второй мировой войны.